

:

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	91
page range	221-238
year	2010-04-30
URL	http://doi.org/10.15021/00001054

этнонимике основного этноса.

В целом родоплеменной состав у тувинцев Монголии и Китая достаточно пестрый и сложный по своей структуре, но он, тем не менее, позволяет утверждать, что процесс формирования вышеназванных родоплеменных групп и их подразделений некогда был тесно связан с этнической территорией тувинцев. Единство территории в данном случае сыграло роль одного из основных этнообразующих факторов, без которого, как известно, невозможно возникновение любого этноса.

В перспективе родоплеменной состав рассматриваемых нами этнолокальных групп может быть исследован более тщательно и всесторонне специалистами узкого профиля. Мы же ограничились лишь его общим обзором, что соответствует целям и задачам нашего исследования.

2. Этноязыковая ситуация

Этноязыковые процессы являются одной из важнейших составляющих этнических процессов постольку, поскольку язык стоит в одном ряду с основными этническими определителями – этническим самосознанием, хозяйственно-экономическим укладом, спецификой культуры и быта, а также этнопсихологическими особенностями этнофоров (Коровушкин 1997:27).

При изучении языка любого этноса, а тем более этнодисперсных групп, специалисты выделяют три важнейших аспекта: 1) структурный, выражающий изменения лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса и других составляющих языка; 2) функциональный, который понимается как развитие социальных функций языка, соотносимых с различными сферами человеческого общения; 3) поведенческий, состоящий в речевом поведении, которое включает в себя языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление языка) и психологическую предрасположенность (отношение к языку) (Губогло 1984:17).

В данном разделе эти три аспекта будут рассмотрены в разной степени, как это было сделано в предыдущей главе применительно к тувинцам Российской Федерации, поскольку для изучения этноязыковых процессов характерно смещение акцентов на поведенческую и функциональную стороны исследования. Это объясняется тем, что из всех компонентов культуры именно язык обладает наиболее ярко выраженными этническими свойствами, чем и определяется его чрезвычайно важная роль в жизни этноса. Выполняя коммуникативную функцию, язык служит основным средством накопления и передачи информации от поколения поколению. Важным является также то, что язык помимо всего прочего

выступает и основным этноинтегрирующим фактором для этноса и, соответственно, этнодифференцирующим по отношению к другим этническим общностям. Именно это свойство языка позволяет ему выступать зачастую в качестве символа данной этнической общности.

В этнографической литературе предмет изучения этноязыковых процессов заключается в изучении не собственно языковых явлений (фонетики, морфологии, синтаксиса и т.п.), а складывания и варьирования речевого поведения населения (Губогло 1998:107), которые в нашем случае очень сильно зависят от таких внешних внеязыковых факторов и явлений, как численное соотношение народов на территории проживания интересующих нас групп тувинского населения, особенности расселения этих народов и тувинцев среди них, продолжительность проживания и длительность этнокультурных взаимодействий тувинцев и их потомков с соседями. К этому, очевидно, следует добавить немаловажную роль социально-экономических условий существования тувинской общины, отсутствие у тувинцев национально-территориальных образований в рассматриваемых регионах. Все эти, а также некоторые другие, менее выраженные факторы, послужили основой складывания современной этноязыковой ситуации у тувинцев Монголии и Китая.

Наиболее актуальными для данного исследования является изучение механизма функционирования тувинского языка среди монгольских и китайских тувинцев, выявление тенденций, специфики его развития. Для этого, как нам кажется, важно получить четкое представление о реальном соотношении тувинского языка с языками соседних народов в жизнедеятельности исследуемых групп. Не менее интересен вопрос об устойчивости национального языка в условиях дисперсного расселения его носителей в иноэтнической среде.

Исследуя этноязыковые процессы и языковой компоненты этноса в целом, следует иметь в виду такие базисные понятия, как «языковая компетентность» (мера, степень знания языка или языков), «речевая деятельность» (реальное употребление одного или более языков в различных сферах жизнедеятельности этноса) и «языковая ориентация» (Чуваши 1988:73), без которых практически невозможно обозначить направления и перспективы развития языковой ситуации у зарубежных тувинцев.

Изучение языковой ситуации в исследуемых тувинских группах велось различными путями. Так, в частности, чтобы получить представление о состоянии языковых процессов у тувинцев Монголии, мы, кроме имеющихся работ, привлекли также оригинальные данные, полученные у наших информантов – монгольских граждан тувинского

происхождения. Знакомство с языковой ситуацией у тувинцев Китая осуществлялось путем непосредственного общения с ними, часто с помощью ряда ключевых вопросов, сформулированных следующим образом: какой язык считаете родным? В какой степени владеете языками соседних народов? На каком языке получаете образование? В какой школе вы хотели бы учить своих детей? На каком языке общаетесь дома? Не чувствуете ли, что теряете родной язык?

Однако прежде чем рассматривать конкретные вопросы этноязыковых процессов, происходящих в той или иной этнической группе, необходимо отметить, что в языковом отношении тувинцы Монголии и Китая представляют собой единое целое — они говорят на различных диалектах тувинского языка. В целом их язык совпадает с тувинским народно-разговорным языком, хотя и имеет некоторые особенности в фонетике, лексике и мелодике речи. В речи зарубежных тувинцев заметно наличие особого акцента, который на слух воспринимается как влияние монгольского языка. Возможно, это объясняется тем, что носители данных диалектов на протяжении длительного времени живут изолированно от своей основной массы. В то же время они до сих пор сохраняют тот грамматический строй языка, который по существу не отличается от такового у основной массы тувинцев. В данном случае язык зарубежных тувинцев, являясь основным средством внутриэтнического общения, также выполняет и весьма существенные сигникативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенному этносу.

Наряду с этим для каждой группы тувинского населения, в зависимости от ее локализации, характерна особая, только ей присущая этноязыковая ситуация. Для того чтобы показать это, считаем целесообразным выделить по территориально-географическому признаку четыре основные группы тувинцев, три из которых сосредоточены в Монголии (в Хубсугуле, Кобдо и Баян-Улэгэе), одна — в Китае. Такое деление позволит не только выявить языковые особенности каждой группы, но также поможет получить более полное представление о весьма сложной и неоднозначной языковой ситуации у зарубежных тувинцев.

Мы преднамеренно не стали выделять в отдельные группы тувинцев, живущих в Селенгинском и Центральном аймаках Монголии, потому что, во-первых, они живут очень разрозненно, во-вторых, их численность слишком мала, и в-третьих, они не представляют собой единства в языковом отношении. Именно о них Э. Таубэ пишет, что они «уже не владеют тувинским как родным языком, так как даже в семьях говорят по-монгольски»; у них «можно встретить полный отказ от традиционного

образа жизни», поскольку «многие живут оседло и занимаются нетрадиционными профессиями»; монгольское влияние среди них ощущается наиболее явно, начиная от переориентировки юрты на юг и кончая монгольскими именами (1994:9). Поэтому наше основное внимание направлено на компактные группы тувинского населения, сохранившие свой родной язык, многие обычаи и устные предания.

Тувинцы Хубсугула живут по соседству с дархатами и монголами. По языковым признакам их делят на две группы: выходцы из Тоджи и выходцы из Кунгуртуга. Такое деление произошло от того, что в 1940-50-х годах, когда началась повсеместная коллективизация, из упомянутых регионов Тувы в Хубсугульский аймак Монголии перекочевало довольно много тувинских семей. На новом месте они приоседились к той небольшой части тувинского населения, которая испокон веков жила на этой территории.

В настоящее время не только исследователями, но и самими тувинцами признается тот факт, что между языками двух групп существуют небольшие различия, хотя они говорят на одном и том же тувинском языке. В то же время в языке хубсугульских тувинцев присутствуют отдельные заимствования из монгольского языка, а некоторые слова имеют монголизированное звучание. Но, несмотря на это, в целом их язык можно рассматривать как особый диалект, очень близкий к Терехольскому диалекту тувинского языка. Существующие в рамках этого диалекта различия, по всей вероятности, следует классифицировать как говоры.

Помимо своего родного языка хубсугульские тувинцы свободно говорят на дархатском диалекте монгольского языка. Они фактически двуязычны. Их дети учатся в монгольской школе. Тувинский язык в основном употребляется в узком семейном кругу. Старшее поколение значительно лучше владеет своим родным языком, чем молодое, поэтому для последних уже сейчас остро существует проблема сохранения тувинского языка. Чтобы попытаться решить эту проблему, местные власти в 1990 г. специально пригласили из Тувы двух учителей и подписали с ними контракт о преподавании в течение трех лет тувинского языка в цагаан-нурской средней школе. Во время пребывания учителей из Тувы у местных тувинцев резко возрос интерес к своему родному языку. Родители охотно определяли своих детей к тувинским учителям, а дети, в свою очередь, с энтузиазмом изучали тувинский язык.

Однако эта практика, столь любившаяся местным жителям, по некоторым объективным причинам не получила дальнейшего развития. На данный момент у хубсугульских тувинцев практически нет ни одного

официального источника тувинского языка. Они не имеют своей письменности, школ, печатных изданий. Зато исследователи отмечают у них сохранение национального фольклора в устной передаче, для чего, как известно, письменной традиции не требуется. Здесь очень популярны и часто исполняются такие известные тувинские народные песни, как «Межегей», «Самагалдай», «Хондергей», которые являются достоянием песенного творчества тувинского народа. Тувинская исследовательница П. Серен в частной беседе сообщила, что в сказках тувинцев Хубсугула довольно часто встречаются сюжетные линии, характерные для сказок тувинцев Тере-Холя, т.е. по существу, они имеют единую сказочную традицию, из чего следует, что фольклор у данной группы имеет много общего с фольклором российских тувинцев.

Американский исследователь Д.Донахо считает, что в сохранении тувинского языка большую роль играет статус хубсугульских тувинцев – хотя они и признаны этническим меньшинством в Монголии, им постоянно приходится сталкиваться с сильной социальной маргинализацией, которая вынуждает их искать поддержку в собственной культуре, прежде всего в языке и традиционном образе жизни (Donahoe 2003:16). Этот тезис, как нам кажется, применим и к остальным группам тувинского населения.

Что же касается языка хубсугульских тувинцев, то он, по нашим предварительным данным, представляет собой самостоятельный диалект тувинского языка, в рамках которого существуют два говора.

Тувинцы Кобдо живут в окружении халх-монголов, захчинов, дербетов, казахов и других этнических групп. В языковом отношении они двуязычны — говорят на тувинском и монгольском языках. Их дети обучаются в монгольской школе, где в качестве иностранного языка по своему желанию могут изучать либо русский, либо английский.

Интересно отметить, что пожилые тувинцы, которые в свое время перекочевали в эти края из Синьцзяна, кроме тувинского и монгольского, также свободно владеют казахским языком. Современные тувинцы, которые уже родились на территории Кобдо, казахского языка не знают, хотя и живут рядом с его носителями, что свидетельствует о доминировании монгольского языка в общении между различными этническими группами Кобдо.

Тувинский язык, как показывают наши исследования, употребляется исключительно для внутрисемейного общения. Причем знание родного языка среди людей старшего поколения намного лучше, чем среди представителей среднего и молодого поколений. Поэтому проблема сохранения родного языка для кобдинских тувинцев стоит так же остро,

как для хубсугульских. В сумоне Буянт, где 30% населения составляет тувинцы, работает Тувинский комитет, который пытается решить эту проблему наряду с проблемой возрождения традиционных тувинских обрядов и обычаев.

В начале 1990-х годов этот комитет обратился к местному руководству с просьбой рассмотреть и положительно решить вопрос о введении в школьную программу тувинского языка на правах факультатива, что дало бы возможность тувинским детям приобщиться к своему родному языку. Местные власти одобрили и поддержали эту идею, но из-за отсутствия квалифицированных преподавателей она долгое время не воплощалась в жизнь. Это продолжалось до тех пор, пока не появились первые выпускники тувинского отделения филфака Тувинского государственного университета.

Тувинским комитетом также неоднократно предпринимались попытки официально организовать подписку на наиболее популярные периодические издания, выходящие в Туве, но они не увенчались успехом. Цэнгэлским тувинцам, очевидно, в этом отношении повезло больше, они регулярно получали популярную газету «Шын» вплоть до середины 1990-х годов. Подписка на нее вновь была возобновлена только в начале 2003 г.

Осенью 1974 г. кобдинских тувинцев впервые посетили исследователи из Тувы Ю. Л. Аранчын и Д. А. Монгуш. Результатами их полевой работы стали статьи, опубликованные в разных научных изданиях. Ю.Л. Аранчын, например, замечает, что даже в такой небольшой этнографической группе, какую представляют собой жители Буянт сумона, сохранились удивительно интересные факты, свидетельствующие о наличии в их языке, фольклоре и обычаях довольно устойчивых общих черт с современными тувинцами (1975:215). Далее автор подкрепляет свое мнение языковыми и фольклорными материалами. Его коллега Д. А. Монгуш отмечает, что язык кобдинских тувинцев очень близок к языку российских тувинцев и может рассматриваться как один из диалектов тувинского языка, обладающий рядом фонетических, лексических и грамматических особенностей, которые сложились в условиях изоляции этой группы тувинцев под влиянием монгольского, казахского и, возможно, алтайского языков (1983:144).

Осенью 1990 г., т.е. спустя 16 лет, у кобдинских тувинцев побывала исследовательница П.Серен, которая годом позже также посетила хубсугульских тувинцев. Сравнивая языки этих двух этнических групп, П.Серен замечает, что язык тувинцев Хубсугула был гораздо ближе и понятнее ей, чем язык тувинцев Кобдо, хотя те и другие говорили на одном и том же тувинском языке. В языке кобдинских тувинцев

присутствовало много незнакомых слов, пришедших из языков соседних народов, преимущественно из монгольского (РФ ТИГИ, д.1198, л.7).

Среди этнических групп, проживающих в Кобдо, есть также небольшая группа урянхайцев, о которых следует сказать отдельно. Как сообщают наши информанты, среди них по сей день встречаются (хотя и редко) носители тувинского языка. Объясняется это тем, что урянхайцы некогда были тувинцами, но, живя длительное время среди монголов, они полностью омонголились и в настоящее время представляют собой обособившуюся от тувинцев этническую группу, основным языком которой является монгольский. Поэтому знание тувинского языка отдельными представителями этой группы, в основном людьми почтенного возраста, – явление крайне редкое. О них еще в свое время А.Позднеев писал: «большая часть народа говорит теперь монгольским языком, по наречию чжунгарских олетов», родной же язык «у них находится в презрении» и лишь «в степях еще находятся простаки, которые говорят по-соински (по-сойотски, т.е. по-тувински – М.М.) (1896:363).

От информантов стало также известно, что у некоторых пожилых тувинцев на руках имеются очень редкие старые издания на тувинском языке, написанные либо кириллицей, либо латинским шрифтом, которые бережно хранятся как семейные реликвии. По всей вероятности, эти издания были вывезены из Тувы теми, кто после народной революции 1921 г. бежал в Синьцзян, а позже перебрался в Кобдо.

Весьма примечательно, что фольклор тувинцев Кобдо очень близок, практически родственен фольклору тувинцев Монгольского Алтая, преимущественно района Цэнгэл. Песни, благопожелания, некоторые сказки обеих групп, лишь за редким исключением, полностью идентичны. Очевидно, в более ранний период истории между этими группами тувинского этноса существовало не только культурное, но и территориальное единство, которое позднее было нарушено различными историческими событиями.

Основными соседями **тувинцев Баян-Улэгэя** являются монголы, казахи и урянхайцы. Последние в основном сосредоточены в сумоне Буянт и по своему этническому происхождению имеют непосредственное отношение к тувинцам. Какая-то их часть также проживает по соседству с кобдинскими тувинцами, о чем было сказано ранее. Э. Таубе, посвятившая себя изучению именно этой группы тувинцев, пишет: «В сознании тувинцев сумона Цэнгэл представление о первоначальном тюркоязычии урянхайцев, говорящих сегодня по-монгольски, было живо и через сотню лет, когда я в конце 60-х годов вела среди них полевые исследования. Они четко отличают себя, тюркоязычных тыва, от

монголоязычных урянхайцев, живущих дальше на восток и юго-восток от них..., но (*цэнгэльские тувинцы* – М.М.) считают урянхайцев родственной им этнической группой, сохранившей с ними много общего в культуре и прежде всего в нравах и обычаях; их шаманы до последнего времени, по крайней мере до середины нашего столетия, камлали на тувинском языке» (1994:7).

Тувинцы Баян-Улэгэя свободно говорят на трех языках - тувинском, монгольском и казахском. Благодаря близости к территории Тувы и наличию хороших дорог, контакты между жителями сумона Цэнгэл и российскими тувинцами существовали постоянно, особенно активными они были в 1950-60-х годах. Это обстоятельство, безусловно, положительно отразилось на состоянии тувинского языка цэнгэльских тувинцев. По сравнению с другими группами тувинцев они значительно лучше владеют своим родным языком и проблема его сохранения для них не столь актуальна, как для остальных.

Убедительным доказательством того, что язык у цэнгэльских тувинцев хорошо сохранился, могут служить 120 песен (*ыр*), 17 шаманских заклинаний, 50 благословений (*алгыш*) и восхвалений (мактал), около 800 пословиц (*чечен сос*) и загадок (*тывызык*) и 90 сказов (*тоол*), историй (*тоогу*) и мифов (*домак*), которые были записаны Э. Таубе во время полевой работы. Небольшая часть этого материала собрана у тех тувинцев, которые родились в районе южнее Алтайского хребта, т.е. на территории Синьцзяна, откуда впоследствии они перебрались в Цэнгэл. Судя по текстам, между тувинцами Синьцзяна и Цэнгэла почти нет никаких языковых различий. Из-за постоянных контактов между обеими группами в прошлом и общего языка их сказки принадлежат одной и, по существу, единой традиции. Поэтому собранные сказки Э. Таубе рассматривает как общее достижение живущих на Алтае тувинцев (1994:8-9, 18).

Тувинцы Цэнгэла не без гордости отмечают, что из-за своей малочисленности по сравнению с другими народами они оказались в более выгодном положении в языковом отношении. Они в одинаковой мере свободно общаются с монголами и казахами на их языках, в то время как те ограничены в общении только монгольским.

Благодаря достаточно высокому уровню языковой компетенции цэнгэльские тувинцы иногда осуществляют литературные переводы. Так, например, с тувинского на монгольский переведен известный роман тувинского писателя Салчака Тока «Слово арата». Автором перевода является цэнгэльский учитель тувинского происхождения Х. Хиис.

До недавнего времени в Цэнгэле существовала одна единственная школа с монгольскими и казахскими классами. В ней ежегодно обучалось

около 1200-1400 учащихся. Преподавание велось на двух языках — монгольском и казахском. В качестве иностранного языка преподавали русский. Тувинские дети обычно учились в монгольских классах.

В 1991 г. местные власти, учитывая интересы тувинского населения, из одной школы образовали две — монгольскую с казахскими классами и тувинскую. Такая мера была предпринята с целью дальнейшего сохранения тувинского языка. По первоначальному замыслу предполагалось все предметы в школе перевести на тувинский язык. Однако родители учащихся выразили опасение, что это может привести к нежелательным результатам: дети будут крайне слабо владеть монгольским, в результате чего их шансы получить хорошее образование в престижных учебных заведениях страны резко снизятся. Поэтому было решено ввести в школьную программу тувинский язык и литературу, а все остальные предметы преподавать на монгольском. Учебники по тувинскому языку и литературе специально по этому случаю были закуплены в Туве. В качестве второго иностранного языка ввели английский.

О большой приверженности цэнгэльских тувинцев к своему родному языку свидетельствует также то, что они обычно имеют два имени — монгольское и тувинское. В официальных документах у них фигурирует монгольское имя, а в повседневной жизни принято называть друг друга тувинским именем. Причем тувинское имя для человека более значимо, чем монгольское. В последнее время наметилась тенденция в свидетельстве о рождении ребенка записывать его тувинское имя.

В языковом отношении тувинцы Монгольского Алтая находятся в наиболее благополучном положении. Во-первых, они имеют свою школу, в то время как у других групп она полностью отсутствует. Во-вторых, им намного легче, чем остальным, общаться с жителями Тувы. В-третьих, они в меньшей степени подверглись процессу монголизации. И, наконец, в-четвертых, у цэнгэльских тувинцев есть реальные шансы не только сохранить свой родной язык, но и внести существенную лепту в фольклорную сокровищницу тувинского народа.

Тувинцы Китая, т.е. Синьцзян живут в многоязычной среде, поэтому по мере необходимости свободно переходят с одного языка на другой. Из языков окружающих их народов они достаточно хорошо владеют монгольским и казахским. Тувинский язык преимущественно употребляется в семье, а также во время таких семейных и общественных обрядов и церемоний, как свадьба, похороны, *оваа дагылгазы* и др.

Китайским языком тувинцы, как впрочем и их ближайшие соседи, владеют в недостаточной степени, хотя он входит в школьную программу и является обязательным для всех. Причина тому — удаленность и

труднодоступность Алтайского аймака и как следствие – его малая заселенность ханьцами – коренными носителями китайского языка, что, в свою очередь, позволяет местным жителям вполне спокойно обходиться без него в своей повседневной жизни.

Многие наши информанты отмечали, что именно из-за слабого знания китайского языка их дети не могут поступить в высшие учебные заведения страны, где преподавание ведется исключительно на китайском. Поэтому общий образовательный уровень мончаков, как правило, ограничивается либо средней школой, либо средним учебным заведением.

Хотя объективности ради следует заметить, что иногда бывают счастливые исключения, когда некоторым из них, благодаря своим особым способностям, удастся получить высшее образование. Нам, например, рассказали об одном парне-мончаке из Ханаса, который закончив университет во Внутренней Монголии, поехал учиться за рубеж – сначала в Венгрию, затем в Германию. Оказавшись годом позже в Западной Европе, мы от коллег вновь услышали об этом молодом китайце тувинского происхождения, который слыл в кругах специалистов прекрасным лингвистом-тюркологом.

Следует сказать несколько слов о влиянии русского языка на языки народов Синьцзяна, в том числе на тувинский. Не могли остаться в стороне от нашего внимания такие слова, как *революция, марксизм-ленинизм, партия, политика, Советы, автономия, республика* и ряд других, которые явно указывали на некогда существовавшее идеологическое единство между бывшим СССР и Китаем. Лексикой подобного рода, как и следовало ожидать, хорошо владеют представители партийной номенклатуры. Не менее успешно мончаки продемонстрировали и знание лексики из области образования. Им хорошо известны слова *школа, классы, гимназия, техникум, институт, университет* и т.д. Более того, названия некоторых дисциплин, которые преподаются в них, были произнесены также на русском: *математика, химия, орфография, педагогика, право* и другие.

На самом деле мончаки знают гораздо больше русских слов, чем это может показаться на первый взгляд. В Ак-Хаба мы познакомимся с Конгуштаем Каскайбом (1925 г. рождения), который в молодости изучал русский язык. Он попытался общаться с нами на русском языке, и надо заметить, что препятствий для обоюдного понимания у нас не возникло.

Наличие русских слов в языке народов Синьцзяна объясняется довольно просто: до начала «культурной революции» в Китае, на территории Алтайского аймака проживало много русских староверов. Они жили большими деревнями, занимались земледелием, имели свои русские

школы, куда брали учиться и местных детей. Но грянувшая «культурная революция» пришлась им не душе и вынудила покинуть обжитые места. Какая-то часть староверов уехала в Австралию, другая перебралась в Америку через Бразилию, а большая часть обосновалась в России в пределах нынешней Республики Алтай. С тех пор остались в языках местных народов русизмы. Местное население, кстати, с особой теплотой вспоминает то время, когда рядом с ними жили русские староверы.

Мы общались с мончаками на тувинском языке. С первых же слов мы хорошо понимали друг друга, убеждались в том, что говорим на одном и том же языке, но имеющем некоторые особенности, которые иногда заставляли нас переспрашивать и уточнять.

Язык китайских тувинцев в целом совпадает с тувинским разговорным языком, хотя его фонетике, лексике, мелодике речи присуще некоторое своеобразие. В их речи заметен особый акцент, воспринимаемый на слух как влияние монгольского языка. Это неудивительно, так как носители данного диалекта на протяжении 200 с лишним лет живут изолированно от материнского этноса и не имеют никакого общения с жителями Тувы. В то же время грамматический строй их языка, по существу не отличается от такового основной массы тувинцев. Можно сказать, что мончаки создали самостоятельный диалект тувинского языка, сложившийся под влиянием монгольского, казахского, частично уйгурского и китайского языков. Но он, к сожалению, пока остается малоизученным.

Общаясь с информаторами различных возрастных групп, мы заметили, что люди пожилого возраста говорят на чистейшем народно-разговорном языке без посторонних примесей, в то время как люди молодого и среднего поколений говорят на таком тувинском, в котором не только присутствуют всевозможные заимствования из других языков, но и отсутствует фарингализация гласных. Наше наблюдение подтвердили и результаты лингвистических исследований, проведенных еще в 1980-е годы, которые показали, что подавляющее большинство пожилых носителей тувинского языка различают основные (краткие) и особые гласные, тогда как люди молодого возраста произносят такие различающиеся по фарингализованности и нефарингализованности звуки одинаково. Отсюда исследователи сделали вывод, что фарингализация гласных в языке китайских тувинцев начинает затухать (Хэ Синлянь 1986:66; см. также Сат, Доржу 1989:94).

Однако известный российский тюрколог-лингвист Э.Р.Тенишев считает, что язык кок-мончаков изначально хранил в себе реликтовую черту – отсутствие фарингализации [1999, с.133]. Фарингализация, по его мнению, это не просто адаптирование какого-либо звука или явления, а

перестройка всей вокалической системы языка. Для того, чтобы она получила развитие в тувинском языке, необходимо по крайней мере 500 лет. Из этого следует, что язык кок-мончаков отделился от языка материнского этноса в ту далекую пору, когда в последнем фарингализации гласных еще не было.

В то же время результаты лингвистической экспедиции Академии наук КНР, проводившейся в октябре 1956 г. в Алтайском аймаке среди кок-мончаков, показали, что их язык, несмотря на ограниченность функциональных потенций, имеет много общего с нормами литературного тувинского языка и близок к его центральному диалекту. Сами кок-мончаки уверены, что их язык произошел от языка тувинцев Хемчика, т.е. Тувы, и подобного ему в Синьцзяне нет (Тенишев 1999:130-133).

Китайские тувинцы не имеют своих школ, поэтому их дети учатся либо в казахских, либо в монгольских школах, причем предпочтение отдается последним, так как официально мончаки считаются монголами. В местности Ак Хаба мы посетили начальную школу (с 1 по 6 классы), где состоялась встреча с учителями и учащимися школы. Школа была основана в 1932 г. Преподавание ведется на монгольском языке. На момент нашего визита там насчитывалось всего 14 учителей и 100 учащихся, большинство которых были тувинцами. Средний возраст учителей не превышал 25 лет. В основном это были выпускники педагогических училищ. Именно они выразили серьезную обеспокоенность по поводу медленного и неуклонного угасания тувинского языка.

Когда дети мончаков впервые приходят в школу, они не знают никакого языка, кроме тувинского. И поскольку преподавание ведется на монгольском языке, то учителям начальных классов, а это, как правило, тувинцы, приходится переводить в учебный материал с монгольского на родной язык. Но с четвертого класса учащиеся уже начинают не только понимать, но и говорить на монгольском языке, который постепенно вытесняет их родной язык. То же самое происходит в школе, где преподавание ведется на казахском языке. Таким образом, тувинский язык как бы отходит на задний план, а доминирующими языками общения становятся монгольский и казахский. Тувинский язык фактически служит только для общения в семье. Однако в тех случаях, где один из родителей является представителем другой национальности, там дети, как правило, уже не говорят на тувинском языке.

Потерю языка китайские тувинцы воспринимают очень болезненно, хотя и понимают, что не в силах изменить положение. Они полностью лишены того, что призвано гарантировать устойчивое сохранение языка, т.е. не имеют своей письменности, школ, учебников, печатных изданий и

т.д. На сегодняшний день у них имеется только одна радиопередача из Тувы, которую ловят по транзисторному радиоприемнику. Конечно, эти 30-минутные вещания не решают проблему сохранения языка, они лишь поддерживают чувство их принадлежности к единому тувинскому этносу. Язык тувинского радио вполне понятен мончакам, отмечающим, что их собственный язык намного беднее, по сравнению с языком современных тувинцев, особенно в области лексики.

Многие наши информанты высказывали искреннее желание видеть у себя учителей из Тувы, которые могли бы обучать их детей тувинскому языку и литературе. По их просьбе мы показывали им, как пишут российские тувинцы, объясняя при этом, что используется кириллица. Кириллицу мончаки называют «славянской письменностью» (*славян бижик*); они уверены, что смогли бы освоить ее без особого труда. В свое время мончаков познакомили с нею русские старожилы.

Образцы разговорной речи китайских тувинцев, их песни и благопожелания мы записали на диктофон, а отдельные архаичные слова и выражения – от руки. Кассетные записи впоследствии были полностью расшифрованы и в настоящее время они хранятся в Рукописной фонде Тувинского Института гуманитарных исследований (г.Кызыл). Специалистам еще только предстоит определить место языка китайских тувинцев в общей системе тувинского языка.

В целом анализ этноязыковой ситуации у различных групп зарубежных тувинцев не позволяет провести резкой границы между ними и тувинцами, живущими в Российской Федерации. Обработка материалов, имеющих отношение к реальной речевой деятельности, убедительно доказывает тезис о существовании у них как развитого тувинско-монгольского двуязычия, характерного для этнических групп Хубсугула и Кобдо, так и тувинско-монгольско-казахского мультилингвизма, наблюдаемого у групп, проживающих на Монгольском и Китайском Алтае.

Языковая ситуация, сложившаяся в настоящее время в этих регионах, характеризуется достаточно прочным равновесием в функционировании одновременно двух и более языков в реальной речевой деятельности. Хотя нельзя говорить о явном преобладании какого-то одного языка в речевом поведении рассматриваемых этнолокальных групп, но с уверенностью можно констатировать наличие весьма отчетливой тенденции к возрастанию роли монгольского языка в производственной сфере и межличностном общении у тувинцев Монголии, и казахского, монгольского и китайского языков у тувинцев Китая.

Особенно ярко активность монгольского языка проявляется у тувинцев Хубсугула и Кобдо, где он проник в такую, казалось бы, закрытую сферу,

как внутрисемейное общение. Здесь, монгольский язык явно превалирует над тувинским. Так, по признанию П. Серен, во время полевых исследований в Хубсугульском аймаке, ей приходилось с некоторыми 30-40-летними тувинцами общаться с помощью переводчика, так как они практически не говорили по-тувински (2000:9). Наши информанты, часто посещающие кобдинских тувинцев, сообщают, что там старики обращаются к молодым на тувинском языке, а те, понимая тувинскую речь достаточно хорошо, все же предпочитают отвечать на монгольском.

На основе этих данных можно предположить, что в дальнейшем у тувинцев Хубсугула и Кобдо будет усиливаться ассимиляция их языка монгольским, при том, однако, что будет и далее существовать реальный билингвизм в межличностном внутри - и внесемейном общении.

В российской этносоциологической литературе принято считать, что развитие двуязычия может иметь две тенденции – экстенсивную и интенсивную (Губогло 1998:69-89). В первом случае двуязычие распространяется «вширь», т.е. вторым языком, в нашем случае - монгольским, овладевают все больше представителей немонгольского этноса. Во втором случае проявляется тенденция к «углублению» двуязычия посредством лучшего овладения вторым языком с использованием его во внутриэтническом общении.

Исходя из этого положения можно утверждать, что тувинско-монгольское двуязычие у хубсугульских и кобдинских тувинцев реализует в своем развитии обе эти тенденции, поскольку, как показывают результаты исследований, налицо достаточно широкое овладение монгольским языком с очень высоким для второго языка уровнем языковой компетенции и его активное использование в реальной языковой деятельности. Необходимо учесть при этом и степень воздействия столь развитого двуязычия на процессы культурной интеграции в ходе межэтнического тувинско-монгольского взаимодействия.

Что касается тувинцев Монгольского и Китайского Алтая, у них, помимо тувинского, наблюдается свободное владение казахским и монгольским языками, которые используются ими в одинаковой степени и гораздо более активно, нежели тувинский, что во многом определяется как уровнем развития их общественных функций в образовании, хозяйственной деятельности, делопроизводстве, так и особенностями дисперсного проживания тувинцев в многоязычной среде. Отнюдь не последнюю роль в этом играет и такой важнейший фактор, как использование этих языков в чтении литературы и газетно-журнальной периодики. В этом случае помимо лингвистического воздействия как такового, тувинцы испытывают и огромное культурное воздействие самого

материала, в значительной степени зависящее от языка, на котором он подается.

Языковая ситуация у монгольских и китайских тувинцев во многом определяется также изменениями лингвистических характеристик языка. Хотя нами не проводился структурный анализ их языка, относящийся к компетенции лингвистов, мы тем не менее попытались, не вдаваясь в подробности изменений таких структурных единиц языка, как лексика, морфология и грамматика, выявить основное их направление. Длительное проживание в географическом и культурно-языковом отрыве от основного массива тувинского этноса, как нам кажется, привело к тому, что у дисперсно расселенных представителей различных этнолокальных и диалектных групп тувинцев произошла значительная редукция лексических и морфологических структур языка в бытовом общении. Это, в свою очередь, способствовало языковой интерференции, т.е. отклонению от устоявшейся структуры языка в силу внешнего воздействия, проявляющегося в фонетике, морфологии, лексике и семантике, нарушении некоторых синтаксических и стилистических норм. У рассматриваемых нами групп это явление получило весьма широкое распространение и служит в настоящее время одним из оснований в осознании ими своего отличия от тувинцев, проживающих в Российской Федерации.

На развитие этноязыковых процессов существенно влияют и языковые ориентации зарубежных тувинцев, их психологические установки на тот или иной язык. Особое значение этот аспект приобретает в связи со способностью языковой предрасположенности, сформированной под воздействием среды, оказывать воздействие на динамику языковой компетенции и характер языковой деятельности. В нашем случае одним из основных показателей в системе языковых предпочтений служит установка тувинцев на язык школьного обучения. Подавляющее большинство как монгольских, так и китайских тувинцев предпочитает обучать детей в монгольской школе, а не в казахской, как следовало бы этого ожидать, учитывая языковое родство казахов и тувинцев. Предрасположенность тувинцев к монгольскому языку в немалой степени обусловлена конфессиональным фактором – монголы, как и тувинцы, являются буддистами.

Достаточно своеобразно обстоит дело с языковой компетентностью: из четырех этнолокальных групп только тувинцы Монгольского Алтая, т.е. жители сумона Цэнгэл свободно владеют тувинским языком (говорят на нем, читают и пишут), в то время как представители трех остальных групп знают язык лишь на разговорном уровне. При этом в старших возрастных группах уровень языковой компетенции значительно выше,

чем в средних и младших группах. У последних по мере снижения их возраста знание тувинского языка становится все менее глубоким.

Такое положение обусловлено возможностью изучения тувинского языка в системе школьного образования, которая, как свидетельствуют наши информанты, неодинаково у различных групп тувинского населения. Однако эта проблема в Монголии, например, решается следующим образом. Так, в начале 1990 г. благодаря общим усилиям между правительствами Республики Тыва и Монголии было достигнуто двустороннее соглашение о подготовке молодых кадров по разным специальностям. Согласно этому договору, осенью того же года в Улан-Баторский государственный университет поехали учиться четыре студента из Тувы, а Кызылский государственный педагогический институт (с сентября 1996 г. – Тувинский государственный университет) принял столько же студентов из Монголии.

Студенты, приехавшие из Монголии в Туву, были тувинцами по происхождению. Двое из них - выходцы из Цэнгэла, одна девушка из Кобдо, другая из Хубсугула. Они вчетвером обучались на тувинском отделении филологического факультета, а по окончании института им была присвоена квалификация учителей тувинского языка и литературы. В настоящее время подготовка таких кадров осуществляется на регулярной основе. Но многие молодые люди, прожив пять-шесть лет в Туве, не особо стремятся вернуться в родные края. Они либо продолжают учебу в аспирантуре, либо создают семьи и оседают в Туве. Лишь единицы возвращаются в Монголию, где, к сожалению, не всегда работают по специальности.

Тувинское правительство намерено и в дальнейшем оказывать всяческую поддержку монгольским тувинцам в сохранении ими родного языка, и это позволяет надеяться, что тувинский язык в Монголии не исчезнет окончательно.

Несколько сложнее обстоит дело с тувинским языком в Китае. Во-первых, у китайских тувинцев нет возможности, во всяком случае, сейчас, общаться с жителями Тувы. Во-вторых, ни местные, ни центральные власти не проявляют заботу о том, чтобы помочь малочисленным этническим группам сохранить свой родной язык, поскольку языковая политика Китая направлена на их ассимиляцию. Осуществляется она путем планомерного заселения национальных окраин страны ханьцами, что ведет к усилению позиций китайского языка в этих регионах. Особенно показательна в этом отношении ситуация в Синьцзяне, где процент ханьского населения увеличился с 5 в 1949 г. до более чем 40 в 1980-х годах (Зарубежный Восток 1986:223). В-третьих, постоянные

контакты между тувинцами Синьцзяна и Монголии, которые имели место в прошлом, за последние десятилетия практически перестали осуществляться, что в немалой степени способствует еще большей изоляции языка китайских тувинцев. Тот язык, который мы застали у них в 1993 году, представляет собой особый диалект тувинского языка со значительным преобладанием монголизмов. Заимствования из других языков, в частности из казахского, заметно уступают, а в языках других групп тувинцев они представлены и вовсе незначительно.

* * *

Итак, подводя итоги нашим исследованиям в области современных этноязыковых процессов, происходящих у тувинцев в Монголии и Китае, отметим следующие основные тенденции, которые, на наш взгляд, составляют их суть.

В результате особенностей расселения и исторического развития зарубежных тувинцев достигнута достаточно высокая степень их языковой ассимиляции со стороны соседних народов. Это привело к тому, что тувинский язык у различных этнолокальных групп приобрел некоторые особенности в области мелодики речи, лексики, фонетики и отчасти грамматики. На язык тувинцев Монголии, например, преимущественно повлиял монгольский, хотя влияние казахского также нельзя отрицать. На язык тувинцев Китая, помимо монгольского и казахского, частичное влияние оказали китайский, уйгурский языки. Фактически зарубежные тувинцы создали самостоятельные диалекты тувинского языка, которые, к сожалению, до сих пор остаются малоизученными.

Широкое распространение получил как тувинско-монгольский билингвизм, так и тувинско-монгольско-казахский мультилингвизм; при этом абсолютное большинство тувинцев демонстрируют свою предрасположенность к монгольскому языку, ставшим средством не только межнационального, но и внутриэтнического общения.

Учитывая постоянно происходящие в языковой ситуации изменения, можно с некоторой долей уверенности предсказать дальнейшее развитие процесса проникновения в культуру монгольских и китайских тувинцев потенциала, накопленного языками соседних народов. Являясь позитивным в целом, этот процесс даже в его нынешнем виде имеет определенный негативный аспект, а именно: уровень и степень знания тувинского языка падают по мере снижения возраста респондентов, что в будущем может привести к потере тувинским языком части позиций, занимаемых им в системе речевой деятельности и языковых ориентаций его носителей. Если ситуация примет такой оборот, то, очевидно, произойдет вынужденная

замена отдельных элементов и целых слоев языковой культуры тувинцев на монголо-казахско-китаеязычный эквивалент.

Однако избежать такого хода событий можно, на наш взгляд, если целенаправленно способствовать распространению этнически значимой информации с помощью печати, радио, телевидения, национальной литературы и изданий на тувинском языке, а также введения тувинского языка и литературы в школьную программу, что уже начали осуществлять монгольские (цэнгэльскийкие) тувинцы. Насколько этот процесс будет успешным, покажет время.

3. Изменения в материальной культуре

Наряду с этноязыковыми процессами изменения в материальной и духовной культуре этноса или его групп являются неотъемлемой составляющей этнических процессов в целом. Значение материальной культуры для этноса как самовоспроизводящейся системы обусловлено той ролью, которую она играет в обеспечении его жизненных потребностей. Не менее важно и то, что наиболее значимые элементы материальной культуры, такие, как жилище и пища, при всех прочих условиях относительно более устойчивы к внешним воздействиям и изменениям социально-экономических условий, нежели некоторые другие элементы материальной (одежда, средства передвижения) и, особенно, духовной культуры.

Для данного исследования изменения в материальной культуре зарубежных тувинцев представляют особый интерес постольку, поскольку с модернизацией культурно-бытовых структур и элементов многие из них исчезают, тогда как отдельные элементы материальной культуры берут на себя функцию этнических определителей. Это особенно присуще развитию этноса или его части в многонациональной среде.

Основные занятия

Основные занятия любого народа теснейшим образом связаны с традиционным хозяйственно-культурным типом. В этнографической науке под хозяйственно-культурным типом понимают «определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях» (Чебоксаров, Чебоксарова 1985:177).

Места проживания тувинцев Монголии и Китая по своим физико-географическим и экологическим особенностям мало чем отличаются от Тувы. Они почти со всех сторон опоясаны горными хребтами, которые